
Тот,
кто
вернулся
другим
Денис Петров

Денис Петров

Тот, кто вернулся другим

https://litres.ru/74756013
SelfPub; 2026

Аннотация

Он проснулся в чужом теле, в чужом доме, в чужой жизни — и почти ничего не помнил о себе. Зато слишком хорошо помнил, каким чудовищем был Эдвард Грей: жестокий муж, для которого собственная жена была не человеком, а вещью.

Неужели ему придется жить чужой жизнью и стать тираном?

История о втором шансе, искуплении и том, как человек может измениться, даже если для этого пришлось прожить чужую жизнь.

Жаль, что не все пользуются вторым шансом.

Денис Петров
Тот, кто вернулся другим

Я с большим трудом открыл глаза. Голова болела так сильно, что даже смотреть было тяжело — каждый луч света отдавал тупой болью в висках. Вокруг стоял полумрак, и поначалу я не мог ничего различить. Но постепенно глаза привыкли к темноте, и очертания комнаты начали проявляться из мрака.

Я медленно сел на кровати, на которой лежал. Простыни подо мной были грубыми, а матрас — жёстким и непривычным. Это была не моя комната, и даже близко не похожа на неё. Большую часть помещения я не видел, но сквозь плотно закрытые шторы внутрь пробивались тонкие лучи солнца, рисуя на полу бледные полосы света. Воздух был спертым, с лёгким запахом пыли и чего-то незнакомого.

Я попытался вспомнить, как здесь оказался, но мысли путались, будто кто-то перемешал их внутри головы. Последнее, что я помнил, было… ничего. Пустота. И это пугало больше всего.

Но осмотреться мне не дали.

- С добрым утром, господин! – веселый женский голос врезался в мой мозг резкой болью.

- Не ори так, - проворчал я, - голова и так трещит.

Я не узнал собственный голос. К похмелью мне не привы-

кать: еще в студенческие годы я напивался до поросячьего визга, а на утро маялся с перепою. Но сейчас ко всему этому было примешано еще что-то. Студенческие годы? Что это? Какие-то смутные воспоминания. Но чьи они? Мои? От этих раздумий боль стала еще сильней.

- Простите меня, мой господин! – голос задрожал и немного сорвался.

Она плачет? Боится? Кто она? Из мрака появился женский силуэт. Но лица не было видно. До меня дошло или я вспомнил – это моя жена. Жена? Я женат? Никак с мыслями не собраться. Что происходит? Столько вопросов, а ответы никак не приходят в голову. Кроме сильной боли ничего не было.

Я с усилием попытался восстановить в памяти события вчерашнего дня, но сознание упиралось в плотную стену. Кажется, это была пятница — в нашей компании по этому поводу устроили небольшую вечеринку прямо в переговорной: привезли пиццу, дешёвое игристое и портативную колонку.

И там снова появилась Джулия из бухгалтерии. Она не была красавицей — слишком резкие черты лица, излишне яркий макияж, который подчёркивал усталость под глазами. Да и характер у неё был невыносимый: язвительная, вечно чем-то недовольная сплетница, от которой держалась подальше добрая половина отдела. Но вчера вечером её настойчивое внимание приобрело какой-то маниакальный оттенок. Она словно приклеилась: смеялась громче всех над моими плос-

кими шутками, постоянно «случайно» касалась моей руки ледяными пальцами, передавая пластиковый стаканчик, и дышала приторно-сладкими духами. Её навязчивость начала меня откровенно раздражать, вызывая почти физическое желание уйти или спрятаться.

А может это была грязная таверна на окраине города, куда я часто хожу уже последние четыре года. И там мне каждый раз составляет компанию Жанна, а потом мы поднимаемся на второй этаж в одну из комнат. И так из раза в раз. Иногда случаются драки, как вчера. Меня очень сильно достали и домой я пришел очень злой.

А вот что произошло дальше — провал. Полная темнота.

Вернее, воспоминания есть, но они похожи на разрозненные, перепутанные файлы чужого архива. Я вижу обрывки: как я стою на пожарной лестнице, и ледяной февральский ветер пробирает до костей даже сквозь пиджак; во рту вкус сигаретного дыма, хотя я бросил курить три года назад; смех незнакомой мне женщины с ярко-красной помадой; обрывок разговора о каком-то долге, просроченном отчёте и слове «крыша», сказанном шёпотом в туалете.

Эти люди, эти места... я их совершенно не знаю. На пожарную лестницу никто никогда не выходит, но чувство тревоги при этом воспоминании становится почти паническим.

Мне показалось, что это были мысли кого-то другого. Ощущения, которые не принадлежат моему телу. Странно это всё. Очень странно и пугающе, будто я прожил кусок чу-

жой жизни или посмотрел отрывок из фильма, где главный герой совершает поступки, на которые я сам никогда бы не решился.

- Не гунди под ухом, - огрызнулся я по привычке. Я всегда был таким грубым?

- Простите меня, - сквозь слезы прошептал женский голос, - простите, мой господин. Пощадите.

Что с ней? Она действительно боится? Меня? И почему я ответил так грубо? Я разве так всегда разговаривал с девушками?

- Принеси мне воды, Элен, - попросил я как можно вежливее.

- Слушаюсь, - уже бодрее ответил голос.

Да что же происходит? Элен? Откуда я знаю ее имя? Ничего понять не могу? Где я нахожусь? Дома? У себя дома? Никак не могу собрать мысли в кучу. Я снова лег на кровать. Нужно еще поспать, может, тогда я что-то вспомню.

- Вода, мой господин, - нежные руки протянули мне ковш с водой. Лицо женщины, оказавшиеся в лучах солнца, оказалось очень красивым. Но на левой щеке был большой синяк, нижняя губа тоже была разбита. В глазах стояли слезы, которые она, по всей видимости, сдерживала. У нее руки сильно дрожали, от чего вода из ковша пролилась на мои штаны. Когда она это заметила, то побледнела больше обычного. В глаза читался ужас, а из глаз текли безмолвные слезы.

- Прости…, - губы так дрожали, что она не могла вымол-

вить и слова, а только по шевелению губ я понял, что она просит прощения. Но я не понимал, почему она так боится.

- Ничего страшного, Элен, спасибо тебе, - я ей улыбнулся, но, верно, это у меня не очень вышло, потому что девушка шарахнулась от меня, но потом кинулась к моим ногам и сильно к ним прижалась. Я почувствовал влагу на моих голых ступнях, а так же прикосновения губ. Она целует мне ноги?

- Перестань, не надо этого, - сказал я, придав голосу максимальную дружелюбность, на которую был способен, - встань – мне неловко.

Снизу на меня смотрели огромные зеленые глаза. Я раньше никогда не видел такого цвета. Это был не оттенок голубого цвета, а самый что ни есть зеленый цвет. Самый настоящий, яркий и будто светящейся в темноте. В них читался немой вопрос.

— Господин?..

Тихий, дрожащий голосок пронзил густой воздух спальни. Её хрупкая фигурка казалась выточенной из воска в тусклом свете. Она смотрела на меня с таким животным ужасом, что внутри у меня всё перевернулось. Но я-то не собирался её пугать! Во мне не было злости. Наоборот, я хотел улыбнуться, сказать что-то успокаивающее, чтобы стереть этот страх из её глаз. Я открыл рот:

— Элен, я…

И осёкся. В затылок словно ударили кузнечным молотом.

Боль взорвалась в глазах белой вспышкой, выжигая всё вокруг. Я упал обратно на кровать и сполз на пол. На меня нахлынули воспоминания — они обрушились ледяным шквалом, чужие, липкие, невыносимо реальные.

Это была память чудовища по имени Эдвард.

Я чувствовал его ярость, как свою собственную. Этот человек был ходячей бездной эгоизма и жестокости. Он ненавидел весь мир просто за то, что тот существует вне его желаний. Нелюдимый, гордый, он воспринимал любое слово поперек как личное оскорбление, требующее немедленной кровавой расправы.

Воспоминание швырнуло меня в прошлое, на четыре года назад. День свадьбы. Я смотрю на эту девочку, Элен, стоящую на пороге моего дома. Но смотрит он — Эдвард. В его глазах нет ничего, кроме брезгливой ярости. Ему «всучили» жену, как покупают скот. Союз, выгодная партия… Для него она была лишь безвольной вещью, приставленной к дому. Я физически ощутил, как его челюсти сводит от бешенства.

Первая брачная ночь. Комната плывет перед моим внутренним взором. Я чувствую тяжесть его кулаков, занесенных над испуганным телом. Удары сыплются методично, глухо. Хруст рёбер под костяшками пальцев отдаётся сладострастным удовлетворением в его душе. Она лежала неподвижно на полу спальни три дня. Эдвард не притрагивался к ней как муж. В этом было самое страшное унижение. Для него она стала не женщиной, а личным ночным горшком, в который

можно выплеснуть любую грязь. А она молчала. Эта её проклятая, всепрощающая покорность бесила его до исступления, заставляя приходить в ярость снова и снова.

А после того, как он отыгрался на жене, он пошел в таверну в объятья проститутки Жанны – его постоянной любовницы. Последние четыре года он предпочитал жене именно ее. Были и другие случайные связи, но только не законная супруга.

А затем тьма показала вчерашний вечер.

Скрип двери. Смрад перегара, дешёвого табака и мокрой кожи сапог. Пьяный угар, ищущий выхода. Скандал начинается ещё в прихожей. Она бежит навстречу, пытаясь что-то сказать, успокоить… Глупая. Зачем она открыла рот?

Её ладони ложатся ему на грудь. Это прикосновение становится спусковым крючком.

- Дорогой, - вымолвила она. Но в ответ получила удар в челюсть. Раз, другой. Металлический привкус крови на губах — её крови. Звук удара плоти о плоть. А когда она оседает на пол, сломанная кукла, мой ботинок с силой впечатывается ей в живот. Один раз. Второй. Пока её тело не перестаёт содрогаться.

После этого он, даже не взглянув на неё, падает на кровать прямо в грязных сапогах и проваливается в пьяное забытье.

Воспоминания оборвались так же внезапно, как и начались.

Сквозь сон я услышал плачь. Плакала Элен, в этом я был

уверен. Откуда – я этого не знал. Почему она плачет? Ведь она должна была ненавидеть своего мужа больше всего на свете. Она не должна плакать по нему. Мне сделалось дурно, и я открыл глаза.

Элен сидела возле кровати на коленях и держала меня за руку. Она прижалась к ней щекой, по которой текли слезы. Это было так трогательно, что я боялся пошевелиться. Но это не могло продолжаться вечно – тошнота подступила к самому горлу. Я против своей воли застонал. Женщина резко подняла голову и посмотрела на меня. По ее щекам все еще текли слезы, но на губах играла улыбка.

- Господин, - прошептала она.

- Элен…, - в горле пересохло, поэтому голос был хриплый.

- Господин?

Я попытался сглотнуть слюну, но у меня не получилось. Я вспомнил, что Элена приносила мне воду, поэтому попросил:

- Воды.

Женщина быстро подскочила и взяла ковш со столика возле кровати. Но, повернувшись ко мне, она застыла, с недоумением глядя на меня. Я попробовал подняться, но у меня совсем не было сил. Тогда она взяла со стола небольшую палочку, опустила ее в ковш, а потом поднесла ее к моим губам. И тут я понял, в чем дело: это была не палочка, а деревянная трубочка для поения. Где-то я такое видел уже, потому и узнал. Я открыл рот и принял живительную влагу.

Мне стало легче.

- Спасибо, Элен.

- Господин, - в голосе была рабская покорность. Она боготворила это чудовище. Мне стало мерзко.

С трудом я забрался на кровать. Голова немного кружилось, но терпимо. Элена стояла с ковшом в одной, а трубкой в другой руке и смотрела на меня. В ее взгляде читалась растерянность. И верно: перед ней был совсем другой человек, а не ее муж. Это я уже понял. Поэтому она не знала, как ей вести себя. Но что мне делать? Как говорить с Элен? Ведь она не моя жена. А меня с детства учили не зариться на чужое.

Голова болела, но не так сильно – соображать я мог. Нужно было подобрать слова, чтобы не выдать себя, но вести себя грубо с этой молодой женщиной я не мог. Так как же мне быть? Эти мысли крутились в моей голове, пока я рассматривал Элен. В комнате стало светлее, и я смог рассмотреть все в деталях. В том числе и ее. Ее красивое, с правильными чертами лицо портил огромный синяк и распухшая губа. Волосы у нее были длинные, заплетенные в косу, которую она закидывала через плечо на грудь. Одета она была в какие-то лохмотья, которые очень плохо скрывали ее стройное тело. Ноги были босыми и, судя по тому, что они все были грязными, по улице она тоже ходила без обуви. Если не обращать на это все внимание, она была в моем вкусе. И если бы я встретил ее в студенческие годы, обязательно бы влюбился в нее. И, возможно, мы бы начали встречаться. Но сейчас она

казалась мне маленькой хрупкой девочкой. Сколько ей лет? 15? 16? Как такую малышку вообще замуж отдали за взрослого мужика? Я точно знал, что Эдварду уже 25 лет. По возрасту он моложе меня, так как мне стукнуло 30. Да она мне в дочери годится!

Молчание затянулось, но Элен не проронила ни звука. Она по-прежнему стояла напротив меня, держа в руках ковш и трубку. Нужно было что-то ей сказать, но я никак не мог найти нужные слова. Получается, я попал в тело этого мужика. Судя по обстановки комнаты, я точно был не в своем родном мире. А может я попал в прошлое? Но как же такое возможно. Из обрывков воспоминаний прошлой жизни я знал, что в исекаях такое было сплошь и рядом, но я же был не японцем, чтобы в такое верить. Однако, факты на лицо – я попал. И попал весьма крупно, потому что, скорее всего, мне назад уже не вернуться. И вдруг меня осенило: если я занял тело Эдварда, то куда делся он сам? Ведь душа человека не может просто так исчезнуть. Или может? Как бы это выяснить?

Элен слегка кашлянула. Это вывела меня из раздумий. Я внимательно посмотрел на нее. Лицо у нее стало бледнее луны, а руки опять задрожали. Она испуганно смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Каким же чудовищем был ее муж! Меня аж передернуло от злости. Я встал, подошел к Элен и забрал у нее из рук утварь. Поставил их на столик, повернулся к ней и сильно ее обнял, прижав к себе. От неожи-

данности она замерла и сильно задрожала.

- Не бойся, - попытался успокоить я ее, - все хорошо.

На что я рассчитывал? Неужели простые слова могут перечеркнуть годы унижений? Но при этом женщина прижалась ко мне всем телом. Дрожь стала проходить, но напряжение чувствовалась. Было ощущение, что она ждет от меня удара. Скорее всего, Элен думает, что я ее обманываю и оттолкну при первой возможности, а затем ударю. Это было отвратительное чувство. Мне вдруг подумалось, что уже давно не обнимал девушек. Поэтому непроизвольно возбудился. От этого мне стало неловко, и я немного отстранился от Элен. Посмотрев ей в глаза, я увидел удивление, смятение и страх. Я ее прекрасно понимаю: муж-тиран вдруг стал с ней добр и ласков. Поэтому она не понимала, что происходит. Это относится и ко мне: мне все еще сложно было поверить в то, что я попал в другой мир в теле этого мудака. Стремная, конечно, ситуация, но ничего поделать я сейчас не могу. Поэтому придется пока подстраиваться под ситуацию и пожить в этом теле и в этом мире. От всех этих мыслей я сильно проголодался. Да и возможно сказалось похмелье Эдварда.

- А есть что поесть? – спросил я Элен.

- Конечно-конечно, господин, - она отстранилась от меня и побежала куда-то в другую комнату. Я сразу этого не заметил, но помещение, в котором я находился, было не единственным. Скорее всего, это была спальня, где и располагалась кровать, у изголовья стоял небольшой столик, а у стены

напротив – огромный сундук. Единственное окно было прикрыто тяжелыми портьерами. Сквозь небольшую щель проникал солнечный свет. Обстановка была бесхитростная, не богатая. Но кругом царил порядок, комната была ухоженной. Вот только возле кровати лежали грязные сапоги да запах в комнате какой-то странный. Он мне был до боли знаком, вот только вспомнить его я не мог. Но, кажется, что это я виноват в этом запахе, да и сапоги, похоже, мои. Я помнил, как пришел, избил Элен, а дальше не помню. Стоп! Я начал думать, что все это сделал сам. Как так получилось?

Для начала мне нужно было помыться и переодеться. Интересно, здесь есть душ или ванна? Даже я стал ощущать смрад, что шел от меня. Я дотронулся до лица и почувствовал щетину под рукой. Еще и побриться надо. В общем, необходимо было перед едой привести себя в порядок.

Пока я размышлял, Элен появилось в дверях, поклонилась мне и сказала:

- Все готово, господин, прошу к столу.

- Спасибо, - машинально ответил я, - сначала я приведу себя в порядок.

Элен дернулась и с опаской посмотрела на меня. Она толкнула тяжёлую дубовую дверь, которая открылась на удивление легко и без единого звука.

Мы вошли в столовую, наверное. Первое, что бросалось в глаза, — идеальная чистота. Пахло воском для дерева, свежим воздухом и чуть-чуть полынью. Несмотря на простор,

комната казалась почти пустой. Сразу у входа начиналась лестница на второй этаж — широкая, из тёмного дуба. Массивные ступени были стёрты посередине до гладкой впадины, а резные перила, изображавшие виноградную лозу, носили следы былого величия: местами позолота полностью сошла, обнажив простое дерево, но балясины были натёрты маслом до тусклого блеска. Ни пылинки. Наверное, это был и главный зал. Уж больно велик он был.

— Вот сюда, господин, — Элен забежала немного вперёд, указав на одну из дверей, - я сейчас все приготовлю.

Элен скрылась за дверью, а мне выдалась возможность лучше изучить интерьер. Он был и знакомым и чужим одновременно. Я точно знал, где стоит каждая вещь, но видел их как будто впервые. Это как если бы я попал в дом из известного фильма, что видел уже тысячу раз.

Посередине комнаты стоял длинный стол. Дубовая столешница была испещрена сеткой мелких царапин и старых ожогов, но до зеркального блеска начищена и выскоблена добела. Несмотря на свою громоздкость, он казался маленьким в огромном зале. Вокруг него могли пройти 5-6 человек в одну шеренгу. Вокруг него выстроились стулья — все как один из старого гарнитура, массивные, с прямой спинкой. Ткань на сиденьях выцвела и протерлась, кое-где виднелись аккуратные штопки, но ни на одном не было ни соринки.

Под столом лежал большой ковер. Его сложный синий узор на зеленом фоне почти истерся от времени, превратив-

шись в бледный призрак самого себя, а края обтрепались. Но сам ковер был тщательно выбит, и ворс лежал ровно в одну сторону.

Вдоль стен тянулись полки. На них стояла самая простая утварь: глиняные горшки, чугунки, деревянные плошки. Никакого хрусталя или серебра. Но каждая вещь знала своё место. Горшки стояли ровными рядами носиками в одну сторону, ложки в банках сложены по размеру, а старые газеты, перевязанные бечёвкой, образовывали идеально ровную стопку. Чувствовалась твёрдая хозяйская рука, привыкшая наводить порядок даже там, где нечего беречь.

В углу, напротив, за простой сосновой дверью, скрывалась кухня — оттуда тянуло теплом и запахом свежеиспечённого хлеба. Дверь эта тоже сияла чистотой, хотя краска на ней облупилась, а латунная ручка потускнела от тысяч прикосновений. Вариантов не было. Я остановился в дверях в нерешительности – это настоящий средневековый дом! Это был его дом. От этих мыслей он усмехнулся.

Из дверей показалась Элен:

- Господин, все готово. Прошу – проходите.

Я зашел в комнату, которая, по всей видимости, была ванной. Как ни странно, это была обычная ванная комната: ванна, душ, раковина. Ванна была наполнена водой.

Я остановился в нерешимости и посмотрел на Элен. Но она, видимо, не собиралась уходить:

- Позвольте мне помочь вам раздеться.

Чего! Она будет помогать мне мыться? От это мысли мелкая дрожь пробежала по моему телу. Я не был против, даже, наоборот – за. Но какая-то неловкость повисла в воздухе. Я видел в Элен решимость довести дело до конца и не мог этому сопротивляться. Она принялась за меня со знанием дела. Сразу было видно, что она это делает не в первый раз. девушка даже выбрила меня начисто опасной бритвой и ни разу меня не поцарапала или порезала. Ее нежные руки проворно отмывали мое грязное вонючее тело. Но на ее лице не дрогнул ни один мускл. Не было и намека на призрение или брезгливость. Наоборот, на нем читалось вдохновение и желание угодить мужу. Она не смутилась даже когда мыла мои гениталии.

Чистая одежда была готова и даже с одеванием мне помогала трудяга Элен. Мне это даже понравилось, хотя и смущало. После гигиенических процедур она провела меня назад в столовую:

- Господин, я разогрею еду. Не могли бы вы немного подождать, - в его голосе появилась смелость.

Она взяла блюдо со стола и, сделав несколько шагов, остановилась. Элен стояла ко мне спиной, но видел как тряслись ее плечи. Она опять испугалась, опять тряслась, опять вспомнила, кто она такая. Но что я мог сделать для нее?

Я отвернулся, чтобы ее не видеть, чтобы она не ощущала моего взгляда на себе. И

То сработало: она быстро скрылась на кухне. Немного по-

годя, Элен вернулась назад, неся все то же самое блюдо. Для меня оно было весьма необычным. Хотя я и знал, из чего оно состоит.

В основе лежали сочные ломти мяса — я знал, что это мохнатина, тушённая до такого состояния, что волокна распадались от одного лишь прикосновения. Мясо было нежным, с лёгким дымным привкусом, и таяло во рту. Но всё остальное казалось загадкой, хотя где-то в памяти я знал названия этих ингредиентов — они просто не желали вспоминаться.

Рядом алели полупрозрачные кубики — возможно, местного плода, который здесь называли амарелла. Его кисло-сладкий, почти хрустальный сок мгновенно освежал после сытного мяса, оставляя на языке лёгкую прохладу. Между ними виднелись упругие спиральки тёмно-фиолетового цвета — это был корень растения вельдор, который здесь мариновали в уксусе с пряностями. Он приятно хрустел на зубах, оставляя лёгкое ореховое послевкусие.

А венчал всю композицию ворох мелко порубленных листьев — я знал, что это трава сильван, растущая в местных лесах. Её терпкий, смолистый аромат с нотами хвои и мяты связывал воедино все эти незнакомые вкусы, придавая блюду завершённость. Каждый ингредиент был мне знаком по отдельности — я знал, из чего он состоит, как его готовят, — но вместе они складывались во что-то совершенно новое, будто я пробовал это блюдо впервые в жизни.

Еды было много, так что я наелся до отвала. К этому пиру Элен подала мне вино в деревянной кружке. Оно тоже было замечательным: густое, тёмное, со вкусом перезрелой вишни и диких трав, хотя и немного дерзко-кислое на вкус. Похмелье сразу отступило, как быто его и не было. никогда в жизни я так быстро не выздоравливал. Виной всему были листья сильваны? Я слышал, что у них был такой эффект.

- Большое спасибо, - я развалился на стуле, поглаживая живот, - все было очень вкусно.

Элен опять посмотрела на меня с подозрительностью. Оно и ясно: она не узнавала своего мужа-тирана. Ей не по себе в моем присутствии. Я это сразу заметил: она смотрит на меня с опаской или даже со страхом. Меня это сильно напрягает, но я не знаю, как ей объяснить, что меня больше не надо бояться. Рассказать ей правду? Притвориться, что потерял память? А это выход! А может, и нет.

Пока я рассуждал, Элен убирала со стола. Я невольно засмотрелся на нее. Теперь, при ярком свете, я смог хорошо рассмотреть ее внешность. Она действительно выглядела лет на 16-17. Смуглая кожа, тонкие черты лица и зеленые глаза делали ее чертовски красивой. А еще у нее была очень стройная фигура. Я не понимаю, почему Эдвард ее игнорировал? Я бы с радостью женился на такой красотке: услужлива, добра, еще и готовить умеет. А судя по дому, Элен очень хозяйственная. Я не видел других людей в доме. Наверное, она одна вела все хозяйство.

Я вдруг подумал, что она приготовила мне обед. А ведь вчера Эдвард ее сильно избил. Но она нашла в себе силы подняться и заняться готовкой человеку, который был так не справедлив с ней. Мне стало неловко и стыдно. Я понимал, что это не моя вина, но воспоминания Эдварда не давали мне покоя. Они были обрывочными и перемешивались с моими, от чего я не мог сосредоточиться.

- Элен, - она опять вздрогнула, - как ты себя чувствуешь?

- Я? – в ее тихом голосе чувствовалось искреннее удивление, - господин я…

Она замолчала на полуслове, опустив глаза. Все ее тело сильно дрожало, от чего она еще больше нервничала. Одно мое присутствие вызывало в ней страх.

- Послушай, - мне было очень неловко, - я вчера… как это сказать…черт! Короче, прости, что был груб!

Последние слова я просто выпалил. Мой голос был низким и грубым, но он мне нравился. В нем чувствовалась властность и решительность. В прошлой жизни у меня был высокий и писклявый голос. Он постоянно срывался, поэтому я его терпеть не мог. Хотя окружающим нравилось, как я говорю. Даже манера речи вызвала восторг. Поэтому меня часто выдвигали толкать разные речи и вести презентации. Но сейчас мой голос заставлял стоявшую передо мной девушку дрожать от страха.

- Я… - начала Элен, - со мной все в порядке, господин. Я цела и невредима.

Она натянуто улыбнулась, но ее губы дрожали.

- Не ври мне! – почему-то это прозвучало очень грубо, - у тебя все лицо разбито. Почему ты не злишься? Ты должна ненавидеть меня!

- Господин, - дрожащим голосом сказала Элен, - я вас уважаю. Вам не стоит беспокоиться из-за этого. Моя роль – служить вам. А в качестве кого – вам решать. Вы сделали меня своей служанкой – для меня часть прислуживать вам и выполнять все ваши желания.

- Тогда, хорошо, - сказал я и вышел в гостиную. Я в таких домах никогда не бывал, но видел их в кино и читал в книгах. И все равно, его планировка мне показалась очень странной. Но с другой стороны – это энергосберегающая планировка. Нет лишних помещений, которые бы отнимали тепло. Здесь очень холодный климат. Странно, что я помню такое, но как я оказался в теле Эдварда – нет.

Через одну из дверей в столовой я шагнул в гостиную. Комната и вправду была невелика, но от этого казалась лишь более уютной. Воздух здесь был густо настоян на запахе остывающего пепла, старого дерева и воска.

Напротив дверей высился монументальный камин из серого камня, украшенный вычурной резьбой с гербами — он выглядел слишком громоздким для такой скромной комнаты. Перед ним полукругом стояли два глубоких кресла с истёртой до блеска кожаной обивкой. Их широкие подлокотники хранили следы тысяч прикосновений.

Вдоль левой стены расположился истинный хозяин этой гостиной — массивный диван насыщенного зелёного цвета. Он стоял на гнутых резных ножках в виде львиных лап, а его деревянные подлокотники покрывала сложная вязь потемневшей от времени позолоты. В отличие от поношенной мебели в столовой и аскетичной обстановки в комнате самого Эдварда, этот гарнитур сохранил остатки былой роскоши. И диван, и кресла были обтянуты плотным зелёным сукном, которое приятно холодило руку и слегка поскрипывало при каждом движении.

Центр комнаты занимал низкий круглый столик из красного дерева. На его полированной поверхности не было ни единой царапины, а прямо посередине стояла тяжёлая хрустальная ваза со свежим букетом очень красивых цветов, чей терпкий аромат смешивался с запахом дыма.

Стены, оклеенные тёмными обоями с едва заметным растительным узором, украшали несколько картин в золочёных рамах: мрачные пейзажи с бушующим морем, натюрморты с дичью и фруктами. Но главное место, над каминной полкой, занимал большой поясной портрет сурового мужчины. Это был основатель рода Грэй. С того времени прошло уже более трех веков. Рядом висел другой портрет — уже самого Эдварда, написанный к его совершеннолетию. Юноша был точной копией своего предка. И только взгляд был слишком суров для двадцатилетнего юноши. И на это были причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.